

Г. А. Кошеленко

ВОССТАНИЕ ГРЕКОВ В БАКТРИИ
И СОГДИАНЕ 323 г. до н. э.
И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГРЕЧЕСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ IV в. до н. э.

ОБЩЕИЗВЕСТНЫ те трудности, с которыми сталкивается исследователь, изучающий историю Средней Азии эллинистической эпохи — крайне ограниченное количество источников, их, в основном, нарративный, а не документальный характер, отсутствие свидетельств, современных описываемым событиям и т. п. Несмотря на это, трудом нескольких поколений исследователей многие вопросы изучены чрезвычайно подробно. Это можно сказать прежде всего о событиях, связанных с завоеванием Средней Азии Александром Македонским. Но вместе с тем многие события, сыгравшие важную историческую роль, имевшие далеко идущие последствия, не привлекали до сей поры того внимания, которого они заслуживают. К таким событиям, с нашей точки зрения, следует отнести восстание в 323 г. до н. э. греческих поселенцев, размещенных Александром Македонским в Бактрии. Ряд ученых, работавших над проблемами истории эллинизма, вообще прошел мимо этого события (А. Буше-Леклерк, И. Кэрст, Ф. Альтхайм)¹. Другие его лишь упоминают, не делая попыток проанализировать (А. Б. Ранович, А. Берн, Л. Омо, У. Вилькен, Б. А. Литвинский)². Иногда это восстание кратко характеризуется как свидетельство массового недовольства греческих гарнизонов, уставших от бесконечных войн и жизни в чужой

¹ A. Bouché-Lesclercq, *Histoire des Séleucides*, 1—2, P., 1913—1914; J. K a e r s t, *Geschichte des Hellenismus*, Lpz — B., 1917; F. A l t h e i m, *Weltgeschichte Asiens im Griechischen Zeitalter*, I—II, Halle (Saale), 1947—1948.

² А. Б. Р а н о в и ч, *Эллинизм и его историческая роль*, М.—Л., 1950, стр. 71; А. В. В у р н, *Alexander the Great and the Hellenistic Empire*, L., 1947, стр. 256; Л. Н о м о, *Alexander le Grand*, P., 1951, стр. 272; У. В и л к е н, *Alexander der Grosse*, Lpz, 1931, стр. 248; «История таджикского народа», т. I, М., 1963, стр. 273. Отметим, что Б. А. Литвинский полностью принимает совершенно произвольное предположение В. Тарна об описке у Диодора в том месте, где им сообщаются сведения о количестве восставших. В. Тарн заменяет 20 тыс. пехоты и 3 тыс. конницы, о которых говорит Диодор, на три тысячи, упомянутые у Диодора в описании событий 325 г. до н. э. Ясно, что подобного рода описка невозможна, а предположение о ней является выражением общей концепции — преуменьшения роли и значения греческого элемента. Конкретным же источником ошибки Тарна (см. W. T a r n, *The Greeks in Bactria and India*, Cambg., 1951, стр. 72) является то, что он не принял в расчет одного обстоятельства: не 3800 македонян разбили восставших греков (что и вызвало его сомнения), а 3800 македонян, посланных Пердиккой, к которым были присоединены еще отряды азиатских сатрапов — 10 000 пехоты и 8000 конницы. Таким образом, общая численность войск, посланных против восставших, достигала 21 800 человек. Следовательно, численный состав армии восставших и карательной экспедиции были почти равны.

стране (Г. Глотц, В. М. Массон, К. В. Тревер)³. Лишь в очень небольшом числе работ это восстание становится предметом специального исследования (И. Дройзен, П. Клоше). Однако И. Дройзен ограничивается выяснением только фактической картины развития событий, воздерживаясь от попыток анализа причин восстания. Один П. Клоше, как кажется, наметил пути к верному решению вопроса, но и он остается в рамках самой общей постановки проблемы⁴.

Сведения о выступлениях греков в Бактрии и Согдиане мы находим только у двух авторов. О начале движения, развернувшегося в Бактрии в 325 г. до н. э. после оказавшихся ложными сообщений о гибели Александра Македонского в Индии, пишет Курций Руф (IX, 7, 1—11); некоторые дополнительные подробности содержатся у Диодора (XVII, 99)⁵. О собственно восстании, разразившемся в 323 г. до н. э., сведения имеются только у Диодора (XVIII, 7)⁶.

События в 325 г., согласно Курцию Руфу, развивались так: греческие солдаты, недавно выведенные царем в колонии близ Бактр, восстали. Курций Руф полагает, что их восстание произошло не столько из-за вражды к Александру, сколько из-за боязни наказания, поскольку этому предшествовали кровавые раздоры в их среде. Восставшими была захвачена цитадель Бактр, они побудили варваров присоединиться к мятежу. Далее Курций Руф, однако, приводит сведения, освещающие причины волнений и находящиеся в противоречии с его первоначальной версией об отсутствии вражды к Александру: Вождем их был Афинодор, присвоивший себе имя царя не столько ради власти, сколько для того, чтоб вернуться на родину с признавшими его⁷. Это заслуживает тем большего внимания, что и в событиях 323 г. целью восставших снова оказывается возвращение на родину. Затем Курций Руф рассказывает о распрях, начавшихся среди восставших, об убийстве Афинодора по наущению некоего Бикона, о попытках расправы и над ним, о его чудесном спасении. Заканчивает Курций свое сообще-

³ «Histoire grecque», t. IV, Alexander et l'hellénisation du monde antique, P. 1, Alexander et la démembration de son empire, par G. Glotz, P. Roussel. R. Cohen, P., 1945, стр. 264—265; В. М. М а с с о н, В. А. Р о м о д и н, История Афганистана, I, М., 1964, стр. 92; «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 71. Отметим, что во второй из указанных работ говорится о восстании греко-македонян (хотя у Диодора упоминаются только восставшие греки, а весь ход событий освещается как проявление антагонизма между греками и македонянами).

⁴ И. Д р о й з е н, История эллинизма, I, М., 1890, стр. 323—324; II, М., 1893, стр. 19—21; P. C l o c h é, La dislocation d'un Empire. Les premiers successeurs d'Alexandre le Grand, P., 1959, стр. 18—20. Э. Вилл (E. W i l l, Histoire politique du monde hellénistique, t. I. De la mort d'Alexandre aux avènement d'Antiochos III et de Philippe V, Nancy, 1966, стр. 26), хотя и не рассматривает этот вопрос подробно, но (с нашей точки зрения весьма справедливо) считает эти события своеобразной прелюдией к отделению Греко-Бактрии в середине III в. до н. э.

⁵ Есть еще одно сообщение об этих событиях — у Дексиппа (FHG, III, стр. 668—Phot. cod. 82), хотя и основанное, как показывает И. Дройзен (I. D r o y s e n, Zu Duris und Hieronymos, «Hermes», 11, 1876, стр. 463), на очень достоверной традиции, но крайне неясное. В нем упоминаются два человека, один из которых имел власть над Согдианой, полученную не от предков, а как дар Александра (σὺν πατρὶν ἐχὼν ἀρχήν, ἀλλὰ δόντες αὐτοῦ Ἀλεξάνδρῳ), но затем этот человек, вследствие восстания, вынужден был бежать (ἐκ τῆς στάσεως αἰτίαν φερόμεντι), и власть перешла к другому. Очень краткое упоминание об этих событиях содержится также в «Прологах» к сочинению Помпея Трога.

⁶ Есть все основания считать, что события 325 и 323 гг. — два этапа одного и того же движения среди греческих колонистов. См. Д р о й з е н, ук. соч., II, стр. 19; «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, стр. 71; Histoire grecque ..., стр. 265; J. В e l o c h, Griechische Geschichte, Bd IV, t. 1, 1925, стр. 32; C l o c h é, ук. соч., стр. 18—19.

⁷ Поскольку желание вернуться в Грецию не могло согласовываться с планами Александра, отпадает и предположение Курция Руфа об отсутствии вражды к Александру у восставших. Мы не говорим уже о присвоении Афинодором царского титула, что означало открытое выступление против власти Александра.

ние о судьбе Бикона таким образом: «Так, дважды спасенный от смерти, он вернулся на родину вместе с другими, покинувшими колонию, представленную им царем»⁸.

Важно для нас и общее заключение Курция Руфа об этих событиях: «Вот что происходило близ Бактр и скифских пределов (*haec circa Bactria et Scythorum terminos gesta*)». Это указание позволяет думать, что движение охватило не только Бактрию, но и Согдиану, ибо близ скифских пределов располагалась именно Согдиана. Оно к тому же подкрепляется и свидетельством Дексиппа, поскольку описываемые им события происходят в Согдиане. Диодор, рассказывая об этих же волнениях (XVII, 99) прямо называет Бактрию и Согдиану. Из других деталей повествования Диодора об этом движении важны отмеченное и Курцием Руфом стремление вернуться в Элладу и тесная связь событий 325 и 323 гг. (поскольку повстанцы 325 г. для него идентичны повстанцам 323 г.).

Таким образом, можно полагать, что в 325 г. до н. э. среди греков-поселенцев в Бактрии и Согдиане развернулось движение, имевшее лозунгом возвращение в Элладу. Несмотря на достаточно широкий территориальный охват, оно, видимо, не было столь массовым как восстание 323 г. (Диодор сообщает о трех тысячах повстанцев). Ничего не известно о результате восстания, можно лишь полагать, что оно было подавлено силами местных сатрапов, хотя вряд ли за ним последовали массовые репрессии (поскольку существуют достаточно веские предположения о том, что один из руководителей движения 325 г. два года спустя возглавил гораздо более мощное восстание).

Неизмеримо более серьезными были события 323 г. до н. э., свидетельства о которых имеются только у Диодора (XVIII, 7). К его сообщениям о причине восстания мы обратимся позднее, сейчас же коснемся только хода восстания, как оно описано Диодором.

Пока был жив царь, греческих колонистов в верхних сатрапиях удерживал страх перед ним, когда же он умер, они восстали. Руководителем они избрали некоего Филона, который сумел собрать значительную армию, насчитывавшую 20 тыс. пехотинцев и 3 тыс. конников, людей испытанной храбрости. Узнав об этом восстании греков (*τῶν Ἑλλήνων ἀποστασίῳ*) Пердикка направляет против них отборный отряд, составленный из македонян (3 тыс. пехотинцев и 800 всадников), командование которым было поручено Пифону, бывшему телохранителю Александра, человеку храброму и опытному в военном деле⁹. Кроме того, сатрапам было приказано выделить в распоряжение Пифона 10 тыс. человек пехоты и 8 тыс. кавалерии. Пифон взялся за поручение с радостью: человек большой предприимчивости, он рассчитывал войти в соглашение с восставшими, объединить их силы со своими и стать владыкой верхних сатрапий (*τῶν ἄνω σατραπειῶν δουλεύσειν*). Однако Пердикка, подозревая о его намерениях, дал строжайший приказ не щадить восставших, а все их имущество поделить между солдатами.

Когда войска Пифона и повстанцев вошли в соприкосновение, Пифону удалось склонить к измене Липодора, командовавшего у восставших трехтысячным отрядом. Предательство Липодора определило победу македонян в сражении. Разбитые повстанцы бежали, Пифон через посредство глашатаев клятвенно пообещал им прощение, с тем чтобы они вернулись в

⁸ Уже высказывались вполне обоснованные сомнения относительно столь благополучного конца карьеры Бикона (С l o s h e, ук. соч., стр. 19). Кроме того, определенного внимания заслуживает и соображение Дройзена (Д р о й з е н, ук. соч., стр. 12, прим. 3) относительно идентичности Бикона с руководителем восстания в 323 г. Филоно I.

⁹ О Пифоне см. W i l l, ук. соч., стр. 26—27.

свои катойкии (ἐπὶ τὰς ἰδίαις κατοικίαις). Греки, поверившие клятве, собралась, и Пифон рассчитывал уже на удачу своего замысла. Однако македоняне, помня о приказе Пердикки, напали на безоружных повстанцев, перебили их и разделили их имущество.

В рассказе Диодора обращают на себя внимание некоторые обстоятельства. Во-первых, у него говорится о том, что восстание охватило верхние сатрапии. Хотя это указание и очень неопределенно, все же можно думать, что территория, охваченная восстанием была шире, чем за два года перед тем, хотя, видимо, по-прежнему основным центром были Бактрия и Согдиана. Подтверждением этому служит и значительно большее число составших. Кроме того, ясно, что центральное правительство считало это движение чрезвычайно серьезным, чем объясняется и большое количество сил, брошенных на его подавление, и жестокость мер по отношению к грекам-поселенцам, и выбор командира карательной экспедиции. Можно думать, что была потрясена вся система македонского владычества в Азии, поскольку сведения о числе повстанцев не оставляют сомнений в том, что этим движением была затронута основная масса греческих поселенцев в северо-восточной части державы Александра.

Тем более важным в данной связи представляется нам выяснение вопроса о причинах восстания. Возвращение в Элладу — это цель восставших, но что же именно побудило такую массу греков-колонистов подняться ради этой цели. Ответ дает Диодор в одной фразе в самом начале рассказа о событиях 323 г.: οἱ δ' ἐν ταῖς ἀνω καλουμέναις σατοκρῆταις κατοικοῦντες Ἕλληνας ὑπ' Ἀλεξάνδρου, ποθοῦντες μὲν τὴν Ἑλληνικὴν ἀγωγὴν καὶ διαίταν, ἐν δὲ ταῖς ἐσχατιαῖς τῆς βασιλείας ἐξερριμμένοι, ζῶντος μὲν τοῦ βασιλέως ὑπέμεινον διὰ τὸν φόβον, τελευτήσαντος δ' ἀπέστησαν. Итак, греческие поселенцы страстно желали τὴν Ἑλληνικὴν ἀγωγὴν καὶ διαίταν. В силу этого для нас становится необходимым выяснение значения этих терминов в греческом языке. Эта задача осложняется тем, что вопрос об источниках Диодора в описании событий 325 и 323 г. не нашел еще общепринятого решения и поэтому нужно не просто исследовать словоупотребление какого-либо одного конкретного писателя, а постараться выяснить, в каком значении употреблялись эти два термина у основных греческих авторов, как изменялось значение этих терминов в греческой литературе вообще.

Оба эти слова, подобно многим важнейшим греческим терминам (таким, например, как философия, полис) многозначны. Особенно — первое из них¹⁰. Слово ἀγωγή входит в три различные лексические группы. Мы встречаем его среди терминов бытовой¹¹, музыкальной и общественно-политической лексики. В общественно-политическую лексику его вводит впервые Платон¹². Встречается оно у Платона и среди терминов собственно философских, терминов категорийного характера в значении «закон», «принцип» (см., например, Pol. 274 A), в его антропологии — в значении «влечение» (Pol. X, 604B), наконец, среди собственно общественно-политических терминов, где ἀγωγή выражает понятие той связи, которая объединяет человека с коллективом, направляя деятельность индивида в зависимости от основных принципов функционирования коллектива (в данном случае полиса) (Legg, 645A). Наконец, это слово означает иногда «воспитание» (Legg, II, 6591), но с очень определенным акцентом — как метод установ-

¹⁰ См. A. Greek-English Lexicon comp. by H. G. Liddell and R. Scott, A New Edition, Oxf., 1940, s. v.

¹¹ Только как термин бытового характера ἀγωγή употребляется у Геродота. См. J. E. P o w e l l, A. Lexicon to Herodotus, Camb., 1938, s. v.

¹² См. Lexicon Platonicum sive Vocum Platoniorum. Index cond. F. Astius, vol. I, Bonn., 1956, s. v. Естественно, что это слово употребляется и в других значениях. См. Crat. 418D; Pol. II, 370 E; 400 C; Legg. II, 673 A; V, 746 E.

ления связи между человеком и общеустановленными законными нормами полиса.

У Аристотеля слово ἀγωγή сравнительно редко употребляется среди терминов категорийного характера¹³, но в значении «воспитание» (с тем оттенком, который характерен для Платона) достаточно часто (см., например, *Ethic. Nicom.* 1179 в 31).

Начиная с Аристотеля, это слово приобретает значение, которое становится типичным для всего последующего времени, в смысле «уклад жизни», «образ жизни», «поведение» (наиболее типично — *Polit.* IV, 1292 в 11—17). У Аристотеля имеется в виду «уклад жизни» в рамках полиса, причем без привнесения в понятие бытовых акцентов.

В лексике Полибия это аристотелево значение слова ἀγωγή наиболее типичное (III, 8, 5; III, 8, 6; IV, 74, 1; XV, 29, 7; XVIII, 18, 2; XXIII, 5, 9; XXIV, 9, 9), хотя встречаются и другие¹⁴. С эллинистического времени данный термин широко используется и в языке официальных документов¹⁵, именно в том или близком к нему значении, которое ему придал Аристотель, правда, не обязательно связываясь с понятием полиса, но постоянно сохраняя свою общественную окраску. В этом же значении входит он и в раннехристианскую литературу¹⁶.

Боле прост вопрос об истории слова διαίτα, хотя оно, насколько можно судить, встречается в литературе несколько чаще. Оно тоже достаточно многозначно¹⁷ у Геродота (I, 157, 2; I, 202, 2; III, 102, 1; I, 125, 1; IV, 78, 3), обычно обозначает «образ жизни»¹⁸, но с несколько иным оттенком, чем ἀγωγή, указывая, как правило, на материальные условия существования и, чаще всего, — больших человеческих сообществ, а не отдельных личностей. Это значение становится определяющим в последующей греческой литературе. У Фукидида такое словоупотребление очень последовательно (см. I, 6; II, 16), у Платона оно также наиболее часто¹⁹ (см., например, *Eryx.* 239C; *Legg.* VII, 806C; *Eryx.* 394B—C; *Ax.* 371D; *Ep.* VII, 340D; *Pol.* II, 373A; III, 404A; 425E и т. д.). Для Платона «образ жизни» (в характеризованном понимании) тесно связан с иными, более высокими, категориями, представлял необходимый базис для правильного функционирования и высшей части человеческой сущности — души (*Phaedr.* 256A; *Ep.* VII, 336C). В его же исторических построениях διαίτα греков — это результат божественного установления и тем самым один из существенных элементов греческого образа жизни в целом (*Menex.* 238B). Гораздо реже встречается это слово в языке Аристотеля²⁰ и его словоупотребление не приносит ничего принципиально нового²¹. То же самое верно и в отношении Ксенофонта (см. *Sygoraeb.* I, 2, 16; I, 3, 2; VIII, 6, 22). Насколько можно судить, в литературе эллинистического времени слово διαίτα в значении «пища» употребляется все реже, а превалирующим является значение «образ жизни».

¹³ См. Н. Bonitz, *Index Aristotelicus*, В., 1955, s. v.

¹⁴ *Polybios-Lexikon*, Bearb. von A. Mauersberger, Bd I., Lief. 1, В., 1956, s. v.

¹⁵ Для эллинистического времени см. С. В. Welles, *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*, New Haven, 1934, № 15 (=OGIS, 223); *The Tebtunis Papyri*, P. I. Ed. by B. P. Grenfell, A. S. Hunt, J. C. Smyly, L., 1902, № 24; для римского времени см. OGIS, 474, 485.

¹⁶ См., например, N. T. 2 *Ep. Timoth.* 3, 10.

¹⁷ См. Lidell — Scott, s. v.

¹⁸ См. Powell, A. *Lexicon* ..., s. v. Иногда встречаются и другие, близкие значения (см., например, I, 36, 1; II, 36, 2 и т. д.). Изредка διαίτα употребляется в значении «пища» (см., например, III, 23, 1).

¹⁹ Иные, близкие значения «пища» — *Pol.* III, 404D; 405D); «диета—как пищевая диета, так и предписанный врачом образ жизни» — *Pol.* III, 403A; V, 409C; 406B.

²⁰ См. *Index Aristotelicus. Aristotelis Opera*, ed. Academia Regia Borussica, vol. V, В. 187, s. v.

²¹ См., например, *Pol.* II, 6, 16; *Ethic. Nicom.* I, 4, 10, 1096 a 27.

ни» с акцентом на материальные условия. Очень типичен в этом отношении Полибий²². Вместе с тем у Полибия в использовании этого слова есть одна примечательная черта: он особенно подчеркивает связь между образом жизни и материальными условиями существования государства, тем самым выделяя общественный аспект этого термина и скрывающегося за ним понятия (VI, 7, 5; VI, 48, 3). В литературе римского времени (например, у Плутарха *De fort. Alexand.*) подобное словоупотребление сохраняется.

Таким образом, то сообщение Диодора, с которого мы начали рассмотрение событий 323 г., можно перевести следующим образом: «Эллины, поселенные Александром в так называемые верхние сатрапии, страстно желали греческого образа жизни и считали себя сосланными на границы царства. Пока был жив царь, их удерживал страх, когда же он умер, они восстали».

Следовательно, исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что причиной восстания греков было то, что они «страстно желали греческого образа жизни». Причем в это выражение (поскольку употреблены оба слова — *ἐπιθυμία* и *δίκαια*) вкладывалось достаточно широкое значение — греческий образ жизни понимался и в смысле общественных установлений и в смысле материальных основ и окружении этих общественных установлений.

Но в связи с этим, естественно спросить, как понимать это «страстное желание» жить по-гречески, что практически означало для греков, поселенных в Бактрии и Согдиане Александром, иметь «греческий образ жизни»? Ответ, как нам представляется, может быть только однозначным — это означало жить, будучи гражданином полиса, членом полисного коллектива²³.

Не касаясь сейчас вопросов о сущности полиса, отметим только, что мы, вслед за рядом советских исследователей²⁴, считаем полис категорией не только политической (в духе распространенного в западной науке представления о полисе как, прежде всего, городе-государстве), но и социальной — основной формой социальной организации античного общества, специфика которой определяется особенностями характерной для нее формы собственности, что было выявлено еще К. Марксом в его работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

Для нас важно здесь подчеркнуть, что полисная форма организации общества была наиболее типичной для греческого мира эпохи архаики и классики, и идея полиса прочно утвердилась в общественном сознании греков, так что даже в начале эллинистической эпохи, несмотря на бурную ломку устоявшихся представлений, продолжала господствовать как в массовом сознании, так и творчестве теоретиков²⁵.

²² См. Polybios-Lexicon, Bd I, Lief. 2, B., 1961, s. v.

²³ См., например, W. S. Ferguson, *Greek Imperialism*, Boston — N. Y., 1913, стр. 133—134.

²⁴ См. например, С. Л. Утченко, *Кризис и падение Римской республики*, М., 1965, стр. 3 сл.; О. В. Кудрявцев, *Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры*, М., 1954.

²⁵ Необходимо, однако, отметить, что в современной литературе начинают появляться работы, отвергающие это, в общем, уже прочно установившееся положение. Примером этого может служить книга А. К. Бергера «Политическая мысль древнегреческой демократии» (М., 1966), в которой высказывается идея, что в древнегреческой политической мысли существовало два резко различных направления: аристократическое, наиболее яркими представителями которого были Платон и Аристотель, исходившие из идеи авторитарного полиса, и демократическое, для которого органическим было признание необходимости и неизбежности более широких форм социальной и государственно-правовой организации греческого мира, чем полис. Не входя здесь в дискуссию по всему кругу проблем, отметим только, что, с нашей точки зрения, А. К. Бергер прав, подчеркивая различия аристократической и демократической идеологий, но при всех их отличиях оба эти направления все же исходили из идеи полиса как ос-

Наиболее ярко идеи о полисе как о типичной для греков форме общественной организации и бытия, как о высшей форме человеческого общежития выражены у Аристотеля. Этот вопрос достаточно полно разработан в современной литературе²⁶ — мы кратко коснемся лишь некоторых его аспектов, важных для данной работы.

Для Аристотеля полис — высшее из всех возможных типов человеческих сообществ (*κοινωνία*)²⁷. Целью всякого сообщества является благо. «Преимущественно же стремится к наивысшему из всех благ то сообщество, которое является наиболее высшим из всех, охватывающее собою все другие сообщества. Это-то сообщество и называется „полисом“» (Arist., Pol. I, 1, 1, 1252 a). В очерке развития общественных форм объединения людей Аристотель уточняет это положение, показывая постепенное развитие их через дом (*οἶκος*), деревню (*κώμη*), племя (*ἔθνος*) к полису: «Сообщество вполне завершенное, состоящее из нескольких селений, образует полис. Назначение его, собственно говоря, вполне самодовлеющее: полис возникает ради потребностей жизни, но существует он ради благой жизни» (Arist., Pol. I, 1, 8, 1252 b 27).

Исходя из этих основных положений, Аристотель делает некоторые важные выводы относительно места человека в рамках полиса и места человека, не являющегося членом полисного коллектива. Для Аристотеля в его понятии полиса особенно важна одна мысль: полис — это, прежде всего, коллектив граждан. В развитии этой мысли он проходит несколько ступеней, давая первоначально первую дефиницию характера полисного коллектива и, соответственно, его граждан — *ἡ δὲ πόλις κοινωνία τῶν ἐλευθέρων ἐστίν* (Arist., Pol. III, 4, 7, 1279 a 21), а затем вводит дальнейшее уточнение, которое показывает, что, для того чтобы сообщество стало полисом, его члены должны быть не только свободными (это условие неперемное, но не единственное). Необходимо, чтобы помимо этого они были еще и «политами» *ἢ γὰρ πόλις πολιτῶν τι γλῆθος ἐστίν* (Arist., Pol. III, 1, 2, 1275 a). Именно в связи с этим кругом его рассуждений и определяется Аристотелем сущность «полита» — гражданина полиса: «Лучше всего абсолютное понятие гражданина может быть определено так: гражданин — тот, кто соучаствует в [судебной деятельности и] управлении (полиса)» — *πολίτης δ' ἀπλῶς οὐδενὶ τῶν ἄλλων ὀρίζεται μᾶλλον ἢ τῷ μετέχειν [κρίσεως καὶ] ἀρχῆς* (III, 1, 4, 1275 a 22). Несколько далее он расшифровывает это определение, переводя его из теоретической плоскости в более практическую:

новного факта политической действительности. В демократической мысли, даже у тех ее представителей, которые наиболее резко подчеркивали необходимость тесного взаимодействия властвующего и подчиняющегося полиса, и тот и другой все же остаются глубоко самостоятельными объектами и субъектами политического бытия, хотя и тесно связанными взаимными отношениями. К тому же отметим, что в политической теории демократического направления IV в. до н. э., например у Демосфена, сам А. К. Бергер подчеркивает примат идеи полиса, и это, с нашей точки зрения, понятно и исторически обоснованно. В V в. до н. э., в период существования Афинской морской державы, политическая мысль демократического направления естественно обращала особое внимание на это явление, теоретически обосновывала и пропагандировала идею полиса — *архэ*. В IV в., когда стал ясен крах попыток органически объединить Грецию силами одного полиса, политическая мысль либо снова вернулась к идее полиса, либо стала разрабатывать темы иного типа объединений, результатом чего отчасти явился и интерес к монархической форме правления. Другие попытки пересмотреть это положение о полисе — см. F. G s c h n i t z e r, *Gemeinde und Herrschaft. Von den Grundformen griechischer Staatsordnung*, «Sitzungsber. d. Österr. Akad. Wiss., Philosoph.-Hist. Kl.», Bd. 235, Abh. 3, 1960. Критику этих взглядов см. А. И. Д о в а т у р, *Политика и полиция Аристотеля*, М. — Л., 1965, стр. 331, прим. 3.

²⁶ См. Д о в а т у р, ук. соч., стр. 7 сл.

²⁷ Термин *κοινωνία* С. А. Жебелев переводит как «общение», у А. И. Доватура используется слово «общество» или «объединение». Может быть лучше был бы термин «сообщество».

«Мы же будем считать гражданами тех, кто участвует в суде и народном собрании» (Pol. III, 1, 5, 1275 a 30)²⁸.

Поскольку полис — наивысший тип человеческих сообществ, то и его гражданин, естественно, представляется высшим типом человеческого существа: «Человек, нашедший свое завершение в полисе — совершеннейшее из творений и, напротив, человек, живущий вне закона и права, занимает жалчайшее место в мире» (Pol. I, 1, 12, 1253 a 32). Та же мысль встречается и в другом месте «Политики»: «Кто живет в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств вне полиса (*καὶ ὁ ἀπολις διὰ φύσιν καὶ ὁ διὰ τύχην*) тот или сверхчеловек или существо недоразвитое в нравственном отношении» (Pol. I, 1, 9, 1253 a).

Следующим выводом в этой цепи построений Аристотеля оказывается вывод об известной неполноценности народов, не обладающих полисной формой государственности²⁹. Он полагает, что для полиса необходимо, чтобы в одном и том же человеке-гражданине сочетались начало властвующее и начало подчиняющееся. Для варварских же народов, согласно Аристотелю, характерно иное: «У варваров женщина и раб занимают одно и то же положение и объясняется это тем, что у них властвующее по природе начало вообще отсутствует (*φύσει ἄρχον οὐκ ἔχουσιν*). У варваров, таким образом, наблюдается только одна форма сообщества — сообщество рабыни и раба (*δοῦλης καὶ δούλου*). Поэтому-то и говорит поэт: «Прилично властвовать над варварами грекам», варвар и раб, по природе своей, понятия тождественные (*ὡς τὰντο φύσει βάρβαρον καὶ δούλον ὄν*)» (Pol I, 1, 5, 1252 b 5 сл.). Эта идея встречается у Аристотеля неоднократно. Варвары для него по природе более склонны к перенесению рабства, чем эллины, и именно этим объясняется существование царской власти тиранического характера у варваров Азии. Но эта тираническая власть стоит прочно (чего не может быть у греков), так как основой ее служат традиции и закон (Pol. III, 9, 3, 1285 a 20).

У Аристотеля разработана и теория, объясняющая причины этих различий между людьми: «народности, живущие в северных местах и в Европе, преисполнены природного мужества, но недостаточно разумны и недостаточно способны к искусствам, почему они в большей степени пребывают в состоянии свободы, но не способны к политической организации и не могут властвовать над соседями. Живущие же в Азии в силу своих душевных свойств рассудительны и способны к искусствам, но лишены смелости, а потому и пребывают в состоянии подчинения и рабства. Эллинская народность, занимающая в географическом отношении как бы срединное место между жителями севера Европы и Азии, объединяет в себе природные свойства тех и других: она обладает и мужественным характером, и развитым интеллектом; поэтому она сохраняет свою свободу, пользуется наилучшей государственной организацией (*καλίστη πολιτεύμενον*) и была бы способна властвовать над всеми, если бы только была объединена одним государственным строем» (Pol. VII, 6, 1. 1327 b 23 сл.).

Все эти построения Аристотеля можно суммировать следующим образом:

1. Типичной формой государственной организации у греков может быть только полис — высшая форма общественных организаций человечества

²⁸ Подробнее см. C. M o s s é, La conception du citoyen dans la Politique d'Aristote, «Eirene», VI, 1967, стр. 17—21. См. также J. P e ð i r k a, A Note on Aristotle's Conception of Citizenship and the Role Foreigners in Fourth Century Athens, там же, стр. 23—26.

²⁹ Для Аристотеля (и это весьма показательно) даже очень крупные варварские города не являются полисами. Так, Вавилон для него не полис, а скорее, *ἔθνος*. См. Pol. III, 1, 12, 1276 a 28. Но в то же время Карфаген, обладающий строем, сходным с устройством греческих городов, безусловно полис. См. Д о в а т у р, ук. соч., стр. 12.

вообще. Признаком гражданина полиса является соучастие в государственно-правовой функции государства.

II. Природные причины порождают различия между греками и варварами, особенно варварами Азии. Основное отличие грека от варвара — неспособность (или гораздо меньшая способность) грека жить в условиях подчинения.

III. В силу указанных причин варвар — существо низшее, по сравнению с греком, и варвару самой природой предназначено быть рабом. В условиях политического единства Греция смогла бы властвовать над варварами Азии.

Естественно, встает вопрос о том, была ли эта система взглядов Аристотеля, его сугубо личным творчеством или он в какой-то мере отразил общественное сознание Греции того времени? Иными словами — были ли взгляды Аристотеля мыслями оторванного от жизни теоретика или теории Аристотеля порождались живой действительностью Греции того времени, ее общественным бытием и отражающим его общественным сознанием пускай не всей Греции в целом, но определенных кругов гражданства греческих полисов IV в. до н. э.?

Пожалуй, не подлежит сомнению положительный ответ, если мы поставим этот вопрос в самой общей форме — применительно к творчеству Аристотеля в целом³⁰, но, нам кажется, что есть возможность ответить положительно на этот вопрос и в том случае, если мы поставим вопрос так, как мы это только что сделали, в применении к намеченному кругу проблем. Для этого попытаемся рассмотреть каждую проблему в отдельности.

I. Кажется несомненным, что в общественном сознании греков классического времени представление о полисе, как о высшей и типичной греческой форме организации государственного бытия, укрепилось очень прочно³¹. Но и в IV в. до н. э., который считается временем кризиса полиса, в общественной мысли Греции «полисные идеи» по-прежнему сохраняют господствующее положение. У Платона, так же как и у Аристотеля, именно полис — основной объект исследования и его проект идеального государства — это проект идеального полиса. Можно видеть целый ряд точек соприкосновения между мыслями о полисе Аристотеля и мыслями Платона: 1) возможность благой жизни только в рамках полиса³², 2) идея становления и развития полиса из типологически более низших форм человеческого общежития³³; 3) понимание основной задачи полиса формировать граждан полностью в соответствии со своим *ἔθος* и законами³⁴; 4) необходимость для нормального функционирования сравнительно небольших размеров гражданского коллектива³⁵. Кроме того, можно отметить, что в теоретических построениях у Платона полис имеет трансцендентный базис. Его теория

³⁰ См. L. Bourque, *Observation et expérience chez Aristote*, P., 1955, стр. 37 сл. Доватур, ук. соч., стр. 33 сл.; J. M. Rist, *Stoic Philosophy*, Cambr., 1969, стр. 1 сл.

³¹ Доватур, ук. соч., стр. 331 сл.; G. Glotz, *La cité grecque*, P., 1953; W. Jaeger, *Paideia: the Ideals of Greek Culture*, III, N. Y., 1944, стр. 265; M. Hammond, *City-State and World-State in Greek and Roman Political Theory until Augustus*, Cambr., 1951, стр. 26—27; V. Ehrenberg, *When did the Polis Rise?* JHS, LVII, 1937, 2, стр. 158—159; C. Mossé, *La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IV siècle avant J.—C.*, P., 1962, стр. 354; T. A. Sinclair, *A. History of Greek Political Thought*, L., 1961, стр. 4 сл.

³² Sinclair, ук. соч., стр. 209.

³³ R. Weil, *Aristote et l'histoire. Essai sur la «Politique»*, P., 1960, стр. 332; P. Festugière, *Hermes Trismegiste*, II, 1949, стр. 202 сл.; Sinclair, ук. соч., стр. 214.

³⁴ Jaeger, ук. соч., II, 1943, стр. 201; Ferguson, ук. соч., стр. 102—103, 110; Sinclair, ук. соч., стр. 212.

³⁵ Sinclair, ук. соч., стр. 145.

форм и идей полностью применяется и к полису. Существующий полис — это отображение (в разной степени приближения) идеального полиса.

Не подлежит сомнению, что в общественно-политических взглядах Исократ полис почти незримо присутствует как некий общий фон, как сам собою разумеющийся феномен³⁶. Несомненно, что и в его идеях всеэллинского единства полис оказывается основным составляющим элементом этого единства, ибо оно мыслится как союз полисов³⁷ (чем, в принципе, идеи Исократ не отличаются от идей Демосфена³⁸).

И в исторической действительности конца V—IV в. до н. э. мы сталкиваемся с фактами, подтверждающими представление о том, что полис продолжал оставаться в глазах греков единственно возможной для них государственной формой. Очень показательны, в частности, факты, связанные со знаменитым отступлением десяти тысяч, когда определенные группы среди бывших наемников Кира стремились дважды основать полис³⁹. Крайне показательны то, что люди, выброшенные в силу тех или иных причин за рамки полисного коллектива, в благоприятных условиях стремятся вновь сорганизоваться в форму гражданской общины. Очень характерно также то, что вырастающая в условиях кризиса полиса новая социальная форма — постоянное наемное войско в своем внутреннем устройстве имеет целый ряд черт, роднящих его с полисом⁴⁰, что позволяет его считать (хотя и в ограниченной мере) полисом без территории.

II. Исследовавший данную проблему Балдри⁴¹ показал, как постепенно вызревало представление о глубоком водоразделе между миром греков и варваров и как из него появлялась идея превосходства греков над варварами. Сильный толчок этому кругу идей дали греко-персидские войны. Однако в IV в. подобные настроения были распространены значительно шире, чем даже в период непосредственно после греко-персидских войн. Эти представления были присущи, в частности, Ксенофону (*Anab.* V, 43, 4) и Платону (*Resp.* 469 B — 71 C; *Menex.* 242 D, 245 C—D).

Хотя мысль о природном отличии греков от варваров по отношению к форме власти у Исократ не выражена столь отчетливо и ярко, как у Аристотеля, все же наличие ее в общей системе взглядов Исократ не подлежит

³⁶ Показательны в этом отношении все места сочинений Исократ, где ставится вопрос о соотношении полиса и политеи, показывающие, что взгляды Исократ по этим важнейшим вопросам в принципе не отличались от взглядов Аристотеля и были отражением очень широко распространенной концепции. См. *I s o c r.*, *Ageor.*, 14 и *Panath.* 134, где говорится, что политея — душа (ψυχή) полиса. У Аристотеля: ἡ γὰρ πολιτεία βίος τις ἐστὶ πόλεως (*Pol.* IV, 11, 1295 a 40; см. также *Pol.* III, 3, 1276). Очень близкие формулировки мы находим у Демосфена (*Dem.*, XXIV, 210) и позднее у Плутарха (*De unius in Re publica dom.* I, 4, 826 c), утверждавшего, что политея — жизнь народа (βίος βίου). Стобей относит к Демосфену утверждение, что «законы — душа полиса» (*Stob.*, LVIII, 140). Аналогичная формулировка отмечена и у пифагорейцев (*Stob.*, I, 13, 2). См. *A. Delattre, Essai sur la politique pythagoricienne, Liege — Paris, 1922*, стр. 172; *W e i l, Aristote ...*, стр. 375.

³⁷ *G. Mathieu, Les idées politique d'Isocrate, P., 1925; W e i l, Aristote ...*, стр. 393. Необходимо отметить, что, согласно мнению некоторых исследователей (см., например, *S. Perlman, Isocrates «Philippus» and Panhellenism, «Historia», XVIII, 1969*, 3, стр. 370—374), «Филипп» Исократ имеет еще и несколько иной контекст — общая война греков под руководством Филиппа против персов одновременно спасет и полисный мир Эллады от агрессии Филиппа.

³⁸ *G. Mathieu, Démosthène, P., 1948; W e i l, Aristote ...*, стр. 393; *J. L u c c i o n i, Démosthène et le panhellénisme, P., 1961*.

³⁹ Подробнее см. *Л. П. Маринович, Греческие наемники в конце V — начале IV в. до н. э., ВДИ, 1958*, № 4, стр. 86. Имеется также чрезвычайно любопытное свидетельство об основании полиса во Фракии командиром наемников Афинодором (*I s o c r.*, VIII, 24). Мы не говорим уже о нормальной колонизационной деятельности, например, об основании Фурий.

⁴⁰ *G. Nussbaum, The Captains in the Army of the Ten Thousand, «Classica et mediaevalia», XX, 1959*, № 1—2.

⁴¹ *H. C. Baldry, The Unity of Mankind in Greek Thought, Camb., 1965*.

сомнению: «Эллины не привыкли терпеть единовластия, а другие народы не могут устраивать свою жизнь без такой власти» (Philip. 107). Рассуждая об основании новых колоний и напоминая о судьбе тех оснований, которые были разрушены воинственными соседями, Исократ полагает, что «нужно избегать основания подобных колоний, в которых население четыре или пять раз подвергалось уничтожению, и искать таких мест для колоний, которые расположены далеко от тех, кто способен властвовать, но вблизи тех, кто привыкли быть рабами» (Philip. 5). Дальнейшие рассуждения его относительно необходимости колонизации Малой Азии показывают его (как и Аристотеля) убежденность в том, что для варварских народов Азии привычное и естественное состояние — рабство (в чем и заключается их основное отличие от греков). Для него варвары предназначены быть рабами греков (Paneg. 181). Говоря о будущем возможном походе объединенных сил греков против персов, Исократ считает, что завоеванные варвары должны стать перизаками Эллады (Paneg. 131) ⁴².

У Демосфена идея превосходства греков над варварами тоже выступает во многих речах. В частности, в речи «О симмориях» присутствуют все постоянные атрибуты этого строя мысли: исконная противоположность греческого и варварского мира, противопоставление эллинской и варварской государственности и, как следствие, необходимость единства Эллады, осуществляемого, несмотря на противоречия между отдельными полисами, благодаря гегемонии Афин.

Однако основное направление мысли Демосфена (в соответствии с его политической линией) иное. Все признаки варварства переносятся на Македонию, и все ходячие идеи о более низком месте варваров применяются к ней. Для него «варвар» это, прежде всего, Филипп (и затем Александр) и вообще все македоняне: они — как варвары — естественные враги греков ⁴³.

III. Вопрос о необходимости единства греков и их способности покорить и эксплуатировать варваров отнюдь не был нов в греческой общественной мысли. Он многократно разрабатывался в греческой трагедии, особенно начиная с периода греко-персидских войн ⁴⁴. Идеи этого круга встречаются и у Геродота ⁴⁵.

Даже в разгар Пелопоннесской войны неоднократно высказывались мысли о необходимости мира между греками (в частности Аристофаном) ⁴⁶. В той или иной форме панэллинские идеи присутствуют у Фукидида, Горгия, Лисия ⁴⁷.

⁴² Однако для Исократа следует отметить один важный нюанс. Для него варвар — это понятие не столько этническое, сколько культурное: «...а самое имя эллина становится уже обозначением не происхождения, но культуры. Эллинами чаще называют получивших одинаковое с нами образование, чем людей одного и того же происхождения» (Paneg. 50). Подробнее см. M a t h i e u, ук. соч., стр. 41 сл. В этом отношении мысли Исократа не являются чем-то совершенно необычным в греческой общественной мысли IV в. до н. э. Уже в это время появляются идеи (развитые позднее стоиками) о всеобщей человеческой солидарности, независимости от этноса. Для этого течения общественной мысли гуманность — явление всеобъемлющее и, естественно, более сильное, чем национальное чувство. См. J a e g e r, III, стр. 373 (ср. т. I, стр. 323). Правда, высказывалось мнение, что под эллинами в данном месте Исократ понимает не греков вообще, а греков, находившихся в кругу аттической культуры (см. J. J ü t h u e r, Hellenen und Barbaren, Lpz, 1923, стр. 36), но эта мысль отвергнута современной наукой. См. B a l d r y, ук. соч., стр. 66.

⁴³ A. P. D a s k a l a k i s, The Hellenism of the Ancient Macedonians, Thessalonike, 1965, стр. 259.

⁴⁴ H. D u n k e l, Panhellenism in Greek Tragedy, Chicago, 1937; J a e g e r, ук. соч., III, стр. 73—74.

⁴⁵ G l o t z, La cité grecque ..., стр. 413.

⁴⁶ См. S i n c l a i r, ук. соч., стр. 135.

⁴⁷ G l o t z, La cité grecque ..., стр. 413.

Особенно широко популярными стали эти идеи в IV в., явившись своеобразной реакцией на хаос бесконечных межполисных войн⁴⁸. Для Платона войны греков с греками — братоубийственная вражда, войны же греков с варварами — явление естественное (Resp. V, 470 с, 471 а)⁴⁹. У него часто встречаются мысли относительно возможности владычества греков над варварами и тех преимуществ, которые отсюда могут проистечь (Resp. V, 469 В; Legg. III 685В, 687 А)⁵⁰. Проблема единства греков Сицилии им разрабатывается, в общем, в том же духе, как идея единства греков Балканского полуострова и Малой Азии — Исократом. Платон доказывает, что передача власти Дионисию над всеми греческими городами Сицилии в целях противостояния внешней угрозе соответствует интересам всех греков острова⁵¹.

При всем различии взглядов Демосфена и Исократ в одном они совпадают: необходимо объединение греков для противостояния варварам и борьбы с ними⁵². Иное дело, что варвары для Демосфена, в первую очередь, — это македоняне, а объединение мыслится им в форме союза полисов под главенством Афин⁵³.

В наиболее разработанном виде эта система взглядов (панэллинская идея) предстает у Исократ⁵⁴. Для него она, как бы, на первый взгляд, ни менялись отдельные ее аспекты, — естественный результат, естественный вывод из общих принципов его мировоззрения⁵⁵. Коротко система взглядов Исократ может быть сформулирована следующим образом: решить сложнейшие проблемы внутренней жизни Греции, приводящие к бесконечным войнам полисов с полисами, к жестоким столкновениям внутри них, к развитию одного из страшнейших зол — наемничества — невозможно обычными средствами. Единственный выход для Эллады — это объединиться и этими объединенными силами вести войну против Персии. Война должна иметь своей целью не только разграбление богатств Персии, но и колонизацию Востока⁵⁶, создание там полисов, гражданами которых должны стать многочисленные массы неимущего люда (в первую очередь — наемники), ныне силою обстоятельств выброшенные из рамок полисов и представляющие собой страшную угрозу всему существующему строю греческого мира⁵⁷. Эти мысли присутствуют почти во всех политических речах Исократ,

⁴⁸ J a e g e r, ук. соч., III, стр. 73—74.

⁴⁹ Подробнее см. M o s s é, La fin de la démocratie athénienne ..., стр. 437. Как своеобразный паллиатив, Платон стремится ввести определенные этические принципы в характер межгреческих войн. См. J a e g e r, ук. соч., II, стр. 251, 255; т. III, стр. 73.

⁵⁰ W e i l, Aristote ..., стр. 156. Однако следует отметить одну особенность позиции Платона: основная идея его: необходимо объединение греков для противостояния варварам, но этому объединению должна предшествовать внутренняя перестройка полисов в духе платоновских стремлений, без чего само объединение нежелательно и даже опасно (R. W e i l, L'Archéologie de Platon, P., 1959, стр. 51—52).

⁵¹ J a e g e r, ук. соч., III, стр. 73.

⁵² Там же, стр. 283.

⁵³ D a s k a l a k i s, ук. соч., стр. 259; B e r g e r, ук. соч., стр. 302 сл.

⁵⁴ J. K e s s l e r, Isocrates und die panhellenische Idee, Paderborn, 1911; M a t h i e u, ук. соч., стр. 15.

⁵⁵ Л. П. М а р и н о в и ч, Место наемников в общественно-политических взглядах Исократ, ВДИ, 1965, № 3, стр. 22 сл.

⁵⁶ Колонизация Востока как ядро этого круга идей Исократ рассматривается К. Моссе (см. M o s s é, La fin de la démocratie athénienne ..., стр. 439) и Ж.-Р. Паланком (J. R. P a l a n q u e, Les impérialismes antiques, P., 1960, стр. 60).

⁵⁷ Конечно, нельзя полагать, как это делает Егер, что именно идея, выдвинутая Исократом, стала причиной последующих грандиозных изменений в мире («Без идеи, которую он здесь выразил впервые, идеи, что греческая пайдейя имеет универсальную ценность, не было бы македоно-греческой мировой империи, и универсальная культура, которую мы называем эллинистической, никогда бы не существовала» — J a e g e r, ук. соч., III, стр. 80—81). Напротив, идеи, высказанные Исократом, были знаком приближающихся перемен, потребности времени приводили к появлению подобных идей.

иногда ясно и открыто, иногда в качестве общего фона, определяющего ход мысли оратора. Идея объединения и борьбы греков против варваров, ожидающихся отсюда на будущее благ для Эллады, развиваются и в «Панегирике» (131, 132, 166, 173, 187), и в «Панафинейской» речи (13—14, 42, 163), и в «Филиппе» (9, 16, 120, 154). Этому подчинены и многочисленные исторические экскурсы, в которых Исократ постоянно стремится подчеркнуть извечность борьбы греков и варваров (Paneg. 34; Panathen. 42—44, 102, 163, 166). В центре всего этого комплекса представлений у Исократа стоит тезис о необходимости основания новых полисов на завоеванной у варваров территории. Четко и ясно эта мысль выражена в «Филиппе» (120): «... Если ты осуществишь это на деле и главным образом попытаешься полностью сокрушить это царство или, по крайней мере, захватить как можно больше земли и занять Азию, как говорят, от Киликии до Синопы, кроме того, основать города на этой территории и поселить там тех, кто скитается теперь за неимением необходимых средств к жизни и вредит всем встречаемым». Эта же мысль развивается и в «Панафинейской» речи (13—14), где также говорится о походе против варваров, об основании колоний на завоеванных богатых и плодородных землях, которые приняли бы всех, кто испытывает нужду в самом необходимом⁵⁸. В том, что идеи превращения местного населения в эксплуатируемую массу не были только личными идеями Исократа, убеждает так называемое «Письмо Филиппу» (III), в котором развиваются эти мысли и которое современные исследователи считают фальшивкой, изготовленной промакедонской партией в Греции⁵⁹.

Все изложенное выше, как нам представляется, заставляет думать, что тот выделенный нами комплекс идей Аристотеля, с которого мы начали изложение, не является только личным достоянием Стагирита. В той или иной мере, с той или иной степенью отчетливости, в различных общетеоретических контекстах эти идеи присутствуют практически у всех важнейших представителей общественно-политической мысли Греции IV в. до н. э. Видимо, они не были плодом мысли кабинетных теоретиков, а отражали в той или иной мере общественные настроения, широко распространенные в IV в. до н. э. по всей Греции. Конечно, нельзя считать, что вся общественно-политическая мысль Греции этого времени сводилась к немногим указанным положениям, но то, что они включались в общественно-политические концепции самых различных направлений — несомненно. Достаточно сравнить Платона и Аристотеля, Демосфена и Исократа. При резких расхождениях в их исходных принципах, все они включают в свои системы этот круг идей.

Таким образом, у нас есть основания полагать, что те греческие поселенцы, которые были размещены Александром в Бактрии, Согде и других восточных сатрапиях и которые позднее восстали, «страстно желая греческого образа жизни» также в той или иной мере были задеты этим кругом идей. Составляя часть греческого мира, они восприняли этот комплекс представлений, бывший, как мы старались показать, неотъемлемой частью общественного сознания Греции IV в. до н. э. Безусловно, их причастность к событиям, приведшим к гибели персидское государство, поселение в окружении варварских народов должны были заставить всколыхнуться эти идеи, которые разом наполнялись реальной плотью. Жизнь ставила перед поселенцами прямые вопросы, и несомненно, судя по сообщению Диодора, ответ поселенцев, их представления о своей будущей судьбе,

⁵⁸ У Исократа встречаются прямые указания (см. Paneg. 15) на то, что речи подобного характера неоднократно произносились в афинском народном собрании.

⁵⁹ В. Г. Б о р у х о в и ч, Э. Д. Ф р о л о в. Публицистическая деятельность Исократ, ВДИ, 1969, № 2, стр. 200—220.

об их месте в новой исторической реальности был целиком в русле этих идей.

Важно еще одно обстоятельство: именно в это время происходит и непосредственная разработка теории колонизации Востока в духе рассмотренных идей. Падение персидского государства поставило ее в повестку дня и, безусловно, споры по этой проблеме, слабые отзвуки которых дошли до нас, также способствовали подъему описанных выше настроений среди греков-поселенцев.

В списке трудов Аристотеля у Диогена Лаэртция имеется работа (№ 17) Ἀλέξανδρος ἡ ὑπὲρ ἀποικῶν, в каталоге Гесихия (№ 22) она фигурирует несколько в иной форме — Ἀλέξανδρος ἡ ὑπὲρ ἀποικῶν⁶⁰. В комментарии Аммония говорится, что Аристотель по требованию Александра составил труд о том, как необходимо основывать колонии (ἄρα ἐρωτηθεὶς ὑπὸ Ἀλεξάνδρου τοῦ Μαιζδόνος περὶ τῆ βασιλείας καὶ ὅπως δεῖ τὰς ἀποικίας ποιεῖσθαι γυγράφηκε). Этот труд Аристотеля утрачен и, казалось бы, нет надежды представить себе его содержание⁶¹. Однако благодаря исследованию А. И. Доватура стало ясно, что в общих чертах это сделать можно. А. И. Доватур решительно отвергает ранее широко распространенное мнение о чисто теоретически-схоластическом содержании трудов Аристотеля, очень убедительно показывает, что рассуждения Аристотеля об идеальном государственном строе ориентированы на реальную действительность, представляя собой программу колонизации Востока под эгидой Александра и посредством основания полисов, внутреннее устройство которых будет близко идеальному полису Аристотеля⁶². Не касаясь здесь многих сторон проекта Аристотеля, отметим лишь две его стороны: 1) колонизация должна осуществляться именно посредством полисов, 2) гражданский коллектив должен существовать за счет местного земледельческого населения, которое практически окажется на положении рабов. В связи с этим, естественно, встает вопрос о том, какова была направленность этого сочинения Аристотеля. Иванка в указанной выше работе видит в «Александр» нечто вроде наставления македонскому монарху, который поступает не так, как, по мнению его учителя, он должен поступать. Близки взгляды на этот вопрос и Р. Вейла⁶³,

⁶⁰ В современной литературе более предпочтительным считается второй вариант. См. Weil, Aristote ..., стр. 154.

⁶¹ Некоторые исследователи (см. P. M o r g a u x, Les listes anciennes des ouvrages d'Aristote, Louvain, 1951, стр. 343; W. D. R o s s, Aristotelis Fragmenta Selecta, Oxf., 1955, стр. 95; V. R o s e, Aristotelis Pseudepigraphus, Lpz, 1863, стр. 95) считают, что из этого сочинения Аристотеля может происходить известное поучение Стагирита, обращенное к Александру и сохраненное Плутархом (De Alexandri fort. I, 6): «Обращаться с эллинами как вождь (ἡγεμονικῶς), а с варварами как деспот, о первых заботиться как о друзьях и близких, а тех использовать как животных или растения». Как замечает по этому поводу Вейл, трудно допустить, чтобы в труде, посвященном колонизации Востока, Аристотель не вернулся к своей излюбленной теме превосходства греков над варварами, но именно поэтому эта фраза вполне могла происходить и из другого труда Стагирита (Weil, Aristote ..., стр. 154). Э. Иванка (E. von I v a n k a, Die aristotelische Politik und die Städtegründungen Alexanders des Grossen. Zwei Studien zur antiken Geschichte, Budapest, 1938) полагал, что две последние книги «Политики» представляют собой именно это сочинение Аристотеля. Против этого предположения очень обоснованно возражал А. И. Доватур (Д о в а т у р, ук. соч., стр. 343), но вместе с тем он же показал, что должны были быть значительные совпадения между содержанием «Александра ...» и двух последних книг «Политики». Вопрос о подлинности арабского сочинения под этим названием, недавно вновь поднятый в литературе (см. Lettre d'Aristote à Alexandre sur la Politique envers les cités. Texte arabe établi et traduit par J. Bielawski, commentaire de M. Plezia, Wrocław — Warszawa — Krakow, 1971), должен быть предметом особого рассмотрения.

⁶² Д о в а т у р, ук. соч., стр. 72 сл. Мы полагаем, что правы те исследователи, которые датируют написание «Александра» ранним периодом царствования этого монарха. О дискуссии по данному вопросу см. Weil, Aristote ..., стр. 156 сл.

⁶³ Weil, Aristote ..., стр. 156.

считавшего, что в этом труде философ возражал против политики смешения народностей, проводившейся Александром. Придерживающийся иного мнения А. И. Доватур, полагает, что Аристотель в каком-то смысле санкционирует дело своего воспитанника и в то же время хочет дать этому делу более определенное направление или, возможно, надеется предугадать дальнейшие шаги Александра⁶⁴.

С нашей точки зрения, ключом к решению этого вопроса может быть только одно — выяснение истинной позиции Александра Македонского по отношению к основанию новых городов на Востоке. Иными словами — основывал ли Александр на Востоке полисы (и тогда прав А. И. Доватур) или нет (и тогда правы Е. Иванка и Р. Вейл). Вторая точка зрения нам представляется более правильной. Широко распространенное мнение о том, что Александр основывает в Азии именно полисы⁶⁵, которому следует и А. И. Доватур⁶⁶, нуждается, как мы думаем, в пересмотре.

Отбросим многочисленные спекуляции на данную тему и рассмотрим хотя бы данные источников о градоосновательской деятельности Александра на Востоке⁶⁷.

В Месопотамии явно ко времени Александра Македонского относится основание города Карры. Под 312 г. до н. э. Диодор Сицилийский (XIX, 91) сообщает о τῶν ἐν Κάρραις κατοικισμένων Μακεδόνων, что не оставляет сомнения в том, что в это время Карры являлись поселением военных колонистов. Интересные сведения содержатся у Плиния (NH VI, 138), относительно основания Александрии (Спасину-Харакса). Он пишет, что город был основан по приказу Александра и первоначально состоял из двух частей. В одной из них были поселены жители ранее существовавшего царского города Дурина и уволенные из армии Александра солдаты (явно — греки), во второй — македоняне, и это поселение (ragus) было названо Пеллой. Сам термин, употребленный Плинием, и общий контекст его сообщения вряд ли позволяют сомневаться в том, что здесь не может идти речь о полисе в прямом значении этого слова.

Показательно описание событий, связанных с оставлением Александром Суз (Curt. Ruf., V, 2, 16—17): «Царь, желая дойти до пределов Персиды, передал город Сузы и гарнизон в три тысячи человек Архелаю, защита крепости была поручена Ксенофону, македоняне старших возрастов оставлены во главе крепостной стражи, охрана сокровищ поручена Калликрату».

Яркий материал содержится в письменных источниках, трактующих об основании Александрии Кавказской. Не приводя здесь всех свидетельств, отметим только, что во вновь основанном городе были поселены македоняне и, видимо, греки (Curt. Ruf., VII, 3, 22—23). Кроме того, Арриан сообщает (Anab. IV, 22, 4—5), что в момент возвращения из Бактрии (при походе в Индию) Александр туда переселил еще некоторое число окрестных жителей (следовательно и раньше там, по-видимому, было поселено определенное число их) и оставил там солдат, которые уже не годились для военной службы. Чрезвычайно ценно указание об отрешении от должности гижарха, поставленного ранее над городом.

В процессе основания Александрии Эсхаты (Александрии на Танаисе) тоже можно отметить уже встреченное при основании Александрии Кав-

⁶⁴ Доватур, ук. соч., стр. 342.

⁶⁵ См., например, Ferguson, ук. соч., стр. 134; Ранович, Эллинизм..., стр. 77.

⁶⁶ Доватур, ук. соч., стр. 75 и 343.

⁶⁷ Мы не будем рассматривать вопрос об основании Александрии Египетской и связанные с этим проблемы, поскольку этот город не был «рядовым» основанием Александра.

казской явление — поселение в городе смешанного населения: эллинских наемников, тех из соседних варваров, которые пожелали там поселиться, и тех македонских солдат, которые уже не годились для военной службы (Arr., Anab. IV, 4, 1). О включении местного населения в состав городских жителей сообщает и Курций Руф (VII, 6, 25—27).

Подобную же картину мы наблюдаем при основании Аригея: по приказу Александра сюда селятся окрестные жители, «кто пожелает», а также солдаты, негодные к военной службе (Arr. IV, 24, 6—7). Точно такие же сведения содержатся у Арриана относительно основания Александрии на Акесине (Anab. V, 29, 2—3): здесь также население вновь основанного города состоит из жителей окрестных территорий и небоеспособных солдат. О вселении во вновь основанный город Александрию-Рамбакию арахов сообщает Курций Руф (IX, 107)⁶⁸.

Эти данные, как нам кажется, позволяют говорить о том, что в градоосновательской политике Александра можно выделить два (важных для исследуемой темы) аспекта: 1) смешение населения во вновь основанных городах, включение в него македонян, греков, местного населения; 2) отсутствие, насколько можно судить, полисного устройства, единоличная власть поставленных Александром гипархов, ответственных только перед ним и сменяемых только им. Эти два аспекта градоосновательской политики Александра несомненно тесно связаны между собой и целиком соответствуют духу его общей политики слияния греков, македонян и населения Востока в его единой и автократической державе⁶⁹.

Близкую (и очень показательную) параллель представляет политика Александра по отношению к старым греческим полисам Малой Азии, которые перед походом Александра находились под властью Персии. Вопрос о взаимоотношениях их с новым владыкой Азии, который в своей официальной пропаганде выступал как освободитель их от персидского ига, имеет уже весьма обширную литературу. Во многих старых и некоторых сравнительно недавних зарубежных работах широко популяризировалась идея о том, что греческие города Малой Азии, будучи освобождены от персидской власти, в глазах новой власти ничем не отличались от греческих полисов материковой и островной Греции. Наиболее последовательное проведение этой идеи привело некоторых исследователей к утверждению, что малоазийские греческие города вошли в Коринфскую лигу⁷⁰. Однако дальнейшие более углубленные исследования этого вопроса показали, что не только нельзя говорить о включении этих городов в Коринфскую лигу,

⁶⁸ В данной связи мы не упоминаем те населенные пункты (достаточно многочисленные), в которых Александром были оставлены только гарнизоны.

⁶⁹ У Курция Руфа (VIII, 9, 10) в связи с заговором пажей приводится речь Александра, в которой изложены основы его политики по отношению к завоеванному Востоку: «Я пришел в Азию не для того, чтобы искоренять народы и половину мира превратить в пустыню, но и для того, чтобы и побежденные не тяготились моей победой. Поэтому они и служат вместе с вами и за вашу власть проливают свою кровь. В противном случае они восстали бы. Недолговременно владение, которое вводят мечом, а признательность за благодеяние вечна. Если мы хотим владеть Азией, а не пройти через нее, нам нужно оказывать им благоволение ... Однако ведь я перенесу в Македонию их нравы и обычай. У многих народов я нахожу то, чему нам не стыдно было бы подражать. Нельзя управлять таким государством без взаимного обмена культурными ценностями» (перевод С. И. Ковалева). С. И. Ковалев полагает (и мы полностью с ним согласны), «что эта речь (явно неподлинная), чрезвычайно четко формулирует его (Александра.— С. К.) программу, в некоторых пунктах, быть может, яснее, чем мог формулировать ее он сам» (см. С. И. К о в а л е в. Заговор «пажей», ВДИ, 1948, № 1, стр. 39). Об общих вопросах политики Александра по отношению к покоренному Востоку см. Р а н о в и ч, Эллизм ..., стр. 39 сл.

⁷⁰ См. K a e r s t, ук. соч., стр. 344; U. W i l c k e n, Alexander der Grosse und der Korinthische Bund, «Sitzungsber. d. Preuss. Akad. Wiss. Philosoph.-Hist. Kl.», 1922, стр. 97.

но и в самом статуте этих городов ничто не изменилось — власть персидского царя сменилась властью царя македонского. Александр Македонский выступал по отношению к ним, как верховный владыка, власть которого понималась им самим достаточно широко — вплоть до изменения конституции городов и их границ⁷¹. Хотя эти исследования вызвали резкую критику В. Тарна⁷², но поскольку в основе его собственной концепции лежала идея монарха-философа, и гуманистического создателя Империи, его взгляды всерьез в современной науке не воспринимаются⁷³.

Взгляды Бикермана, покончившего с этой наивно-традиционной системой взглядов на взаимоотношения Александра Македонского с малоазийскими полисами, в общем, можно считать полностью утвердившимися. Специально исследовавший этот вопрос Э. Бадиян, хотя и критикует Э. Бикермана по ряду вопросов, все же стоит на сходной точке зрения⁷⁴. В советской литературе этот вопрос рассматривался А. Б. Рановичем⁷⁵. В отличие от Э. Бикермана, он исходил из анализа понятия *ελευθερία* в эпоху Александра Македонского и диадохов, доказывая, что в это время понятие «свободы» изменило свое содержание по сравнению с классической эпохой и «свобода» понималась только в смысле противопоставления восточной деспотии. «Свобода» означала включение (в виде автономной единицы) в систему нового государства. В связи с этим можно только отметить, что вряд ли Александр и греки того времени ясно сознавали, что на их глазах создается государство нового типа и на этом основании готовы были сознательно подчиниться важно шествующей исторической необходимости. По существу же выводы А. Б. Рановича близки к выводам Э. Бикермана: оба исследователя приходят к мысли о полной зависимости греческих городов Малой Азии от Александра, о его практически ничем не ограниченной власти над ними⁷⁶.

Итак, можно видеть, что политика Александра в отношении старых греческих полисов Малой Азии была полностью автократичной. Тем более должны были сказываться принципы такой политики в отношении основанных им новых городов на Востоке его державы. Естественно, что имелись достаточно серьезные отличия, объясняемые тем, что эти принципы прилагались к различным объектам: в Малой Азии — к старым греческим полисам, на Востоке — ко вновь основанным городским поселениям.

Таким образом, подводя итоги, мы считаем возможным полагать, что градоосновательская политика Александра самым решительным образом расходилась с тем кругом идей и представлений, которые принесли с собой

⁷¹ E. B i k e r m a n, *Alexandre le Grand et les villes d'Asie*, REG, 47, 1934, 222, стр. 346—374; V. E h r e n b e r g, *Alexander and the Greeks*, Oxf., 1938.

⁷² T a r n, *Alexander*, II, стр. 199—227.

⁷³ E. B a d i a n, *Alexander the Great and the Greeks of Asia*, *Ancient Society and Institutions*, Studies presented to Victor Ehrenberg, Oxf., 1968; B a l d r y, ук. соч., стр. 116—123.

⁷⁴ Бадиян (ук. соч.) считает, что вопрос о том, входили или нет малоазийские греческие города в Коринфскую лигу, «не стоит потраченных на него чернил», ибо и сама Коринфская лига в последние годы жизни Александра была лишь жалким пережитком (стр. 50). Однако при такой постановке вопроса исчезает один из важнейших аспектов исследуемой проблемы — правовое обоснование власти Александра над греческими городами, ибо не только грубой военной силой объединялась держава Александра Македонского, она нуждалась и в определенном правовом оформлении. Да и сам Бадиян позднее возвращается к этой проблеме, доказывая наличие двойной линии администрации для греческих городов: в Европе через Антипатра, в Азии — через Филоксена, и, кроме того, выясняя вопрос о правовом статуте прибрежных островов Малой Азии.

⁷⁵ См. А. Б. Р а н о в и ч, *Александр Македонский и греческие города Малой Азии*, ВДИ, 1947, № 4; он же, *Эллинизм ...*, стр. 50 сл.

⁷⁶ Этот вывод принимает и А. И. Доватур (ук. соч., стр. 54).

греки, участвовавшие в походе на Восток и его колонизации. Вместо полного самоуправления они получали единоличную власть поставленного Александром гипарха, вместо господства над покоренным местным населением они оказывались вместе с ним в одном городе. Подобное противостояние двух позиций не могло не привести к столкновению. Вслед за македонской оппозицией⁷⁷ выступила греческая. Нам кажется, что только так можно объяснить причины восстания греков в Бактрии и Согдиане. Видимо, начало недовольства греков можно видеть в событиях несколько более раннего времени, связанных с казнью Каллисфена. Известно, что его арест и, возможно, казнь были поставлены в связь с заговором «пажей». Но совершенно ясно, что грек Каллисфен вряд ли мог иметь что-то действительно общее, роднящее его с македонской аристократической молодежью⁷⁸. Причина его внезапно вспыхнувшей оппозиционности, сменившей умеренное восхваление молодого завоевателя, как нам кажется, скрывается в ином. Нельзя забывать, что Каллисфен был племянником Аристотеля — автора теоретического трактата о принципах освоения и эксплуатации Востока (столь резко расходившегося с основными положениями политики Александра в этом вопросе) и полностью отвечавшего духу греков, участвовавших в походе на Восток⁷⁹. В связи с этим становится понятной и эволюция настроений Каллисфена. Эпизод с проскинесисом только симптом. До тех пор пока греки сохраняли надежду, что политика Александра на Востоке будет идти к устраивающим их целям, до тех пор широкого недовольства среди них не было, до тех пор Каллисфен был одним из сторонников Александра и даже противником македонских оппозиционеров⁸⁰. Когда же цели и методы Александра стали ясны, а это случилось только во второй половине его похода, когда он приступил к широкой градоосновательской деятельности на Востоке, то с этого времени и разошлись пути Александра и греков его армии, рассчитывавших осесть на завоеванных землях. Первым симптомом этого было изменение позиции Каллисфена. Но только восстание столь значительных масс греческих военных поселенцев Бактрии и Согдианы выявило всю глубину недовольства греков целями и методами колонизационной политики Александра.

В связи со всем вышеизложенным остается нерешенным еще один вопрос, — с нашей точки зрения, чрезвычайно важный — о различии и сходстве градоосновательской политики Александра и Селевкидов. Для решения его необходимо обратиться к последующей судьбе тех городов, которые были основаны (или заселены) Александром. К сожалению, материалы для решения этого вопроса весьма ограничены, но все же они позволяют заметить определенную закономерность.

Не подлежит сомнению изменение статуса Александрии (Спасину-Харакса), основанной Александром как военная колония и ставшей позднее

⁷⁷ См. С. И. К о в а л е в, Македонская оппозиция в армии Александра «Известия ЛГУ», II, 1930; о н ж е, Мирные переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция, ВДИ, 1946, № 3; о н ж е, Александр, Филота и Парменион (Из истории македонской оппозиции в армии Александра), «Уч. зап. ЛГУ», № 112, серия историч. наук, вып. 14, 1949; о н ж е, Заговор «пажей»...; о н ж е, Александр и Клит, ВДИ, 1949, № 3, о н ж е, Монархия Александра Македонского, ВДИ, 1949, № 4.

⁷⁸ T. S. B r o w n, Callisthenes and Alexander, AJPh, LXX, 1949, 3, стр. 240.

⁷⁹ Не подлежит сомнению, что в школе перипатетиков сохранялась традиция, восхвалявшая Каллисфена. У Теофраста было сочинение, названное «Каллисфен или о печали». Вообще, надо иметь в виду, что в этой школе сложился традиционный образ Александра, в котором резко подчеркивалась разница между Александром до победы над Дарием и после, когда он становится жестоким тираном (см. T a g n, Alexander, II, а также рецензию Г. А. Робинсона на эту книгу В. Тарна в AJPh LXX, 1949, 2, стр. 196). Все это подтверждает, с нашей точки зрения, связь взглядов Аристотеля и Каллисфена.

⁸⁰ Относительно пропаганды Каллисфеном деятельности Александра см. B r o w n, ук. соч., стр. 242.

полисом, как об этом бесспорно свидетельствуют некоторые эпиграфические материалы⁸¹. Точно так же полисом были в селевкидское и парфянское время Сузы, получившие при Селевкидах новое имя — Селевкия на Эвлате. Если в источниках, описывающих поход Александра, сообщается лишь о том, что здесь были оставлены воинские отряды в качестве гарнизона, то в селевкидское время многочисленные данные, в первую очередь надписи, свидетельствуют о существовании здесь полиса (по крайней мере до 45 г. н. э.). Насколько можно судить по эпиграфическим источникам, полисный гражданский коллектив состоял только из греков и македонян⁸². Видимо, какое-то время полисное устройство существовало и в Пушкалавати, о чем свидетельствует монетный чекан⁸³, в то время как во время похода Александра здесь был оставлен только гарнизон.

Таким образом, данные источников (там, где они сохранились, показывают вполне определенную тенденцию: основанные Александром города позднее превращались в полисы.

Обратимся далее к градоосновательской деятельности первых Селевкидов, опять же ориентируясь только на источники и избегая всяких предположений, исходящих из общих концептуальных построений⁸⁴.

Нет сомнений, что полисное устройство имела Селевкия на Тигре⁸⁵. Хотя полисное самоуправление постепенно ограничивалось царской властью (сначала селевкидской, а затем — парфянской), все же наличие его в этом огромном городе, крупнейшем греческом центре на Востоке, не вызывает сомнения.

Полисное устройство с самого начала существовало в Дура-Европос⁸⁶, основанной в период царствования Селевка I⁸⁷. Чрезвычайно важно то обстоятельство, что первоначально полисный коллектив состоял только из македонян и греков и даже в поздний период существования города потомки первопоселенцев-македонян составляли наиболее влиятельную группу граждан. Несомненно полисный статус Антиохии в Персиде, как свидетельствует об этом одна из надписей, происходящих из Магнесии на Меандре (205 г. до н. э.)⁸⁸. Эта же надпись сообщает еще о целой группе полисов, из которых бесспорно чтение названия одного — Селевкия на Эритрейском море. Новые эпиграфические материалы показывают, что Лаодикия в Мидии (современный Нехавенд) также была при Селевкидах полисом⁸⁹.

⁸¹ См. D. Sch l u m b e r g e r, Palmyre et la Mésène, «Syria», 38, 1961, 3—4, стр. 256—260; J. R o b e r t, L. R o b e r t, Bulletin épigraphique, REG, 76, 1958, 359—360, стр. 184.

⁸² Не приводя всей достаточно обширной литературы, сошлемся лишь на последнюю обобщающую работу: G. L e R i d e r, Suse sous les Séleucides et les Parthes, P., 1965.

⁸³ A. S i m o n e t t a, An Essay on the So Called «Indo-Greek» coinage, «East and West», VIII, 1957, 1, стр. 44—46; о н ж е, A New Essay on the Indo-Greeks, the Saka and the Pahlavas, «East and West», IX, 1958, 3, стр. 160.

⁸⁴ Кроме того, мы не приводим данных относительно городов, существование полисного устройства которых зафиксировано только для более позднего времени, что, конечно, не исключает возможности того, что их полисное устройство, в действительности, появилось во время первых Селевкидов.

⁸⁵ Г. А. К о ш е л е н к о, Городской строй полисов Западной Парфии, ВДИ, 1960, № 4, стр. 80.

⁸⁶ Там же, стр. 75.

⁸⁷ I. R o s t o v t z e f f, The Foundation of Dura-Europos on the Euphrates, «Annales de l'Institut Kondakov», X, 1938, стр. 99.

⁸⁸ См. O. K e r n, Die Inschriften von Magnesia am Meander, 1900, стр. 51—53, № 6; OGIS, I, № 223; W e l l e s, № 31, 2.

⁸⁹ L. R o b e r t, Inscriptions Séleucides de Phrygie et d'Iran, Hellenica, VII, 1949; L. R o b e r t, Addenda au tome VII, Hellenica, VIII, 1950; L. et J. R o b e r t, Bulletin Epigraphique, REG, 68, 1950, стр. 210—214; REG, 69, 1951, стр. 278; M. C l a i r m o n t, Ein Edikt Antiochus III, «Museum Helveticum», 1949, стр. 218—226.

Как видим, во всех случаях, для которых имеются определенные свидетельства источников о характере строя городов, основанных первыми Селевкидами, он всегда оказывается полисным.

Тем самым с очень большой долей уверенности можно полагать, что в раннеселевкидское время происходит решительный разрыв с традициями градоосновательской политики Александра. Суть этого разрыва заключается в двух основных пунктах: 1) новые города создаются в форме полисов или ранее основанным городам даруется полисный статут; 2) гражданский коллектив полисов формируется только из македонян и греков. Следовательно, разрыв с традициями Александра происходил в самых основных пунктах. Коротко говоря, при первых Селевкидах освоение Востока проводится в соответствии с интересами греков и идеями греческой политической мысли, а не вопреки им, как это было при Александре. И есть все основания полагать, что решающую роль в этом изменении политики сыграло восстание греков 323 г. до н. э., показавшее преемникам Александра, что политика колонизации Востока, проводимая без учета интересов и настроений греческих поселенцев, столкнется с их решительным сопротивлением и в силу этого будет обречена на провал. Отказ от политики Александра стал в таких условиях неизбежным. Потребовалось найти гибкую форму привлечения греков к освоению Востока. Эта форма была найдена в программе Исократ и Аристотеля. Конечно, селевкидский полис на Востоке довольно сильно отличался от классического, но сохранение его как формы социальной организации греческого населения было в данной исторической обстановке неизбежным. Восточноэллинистический полис как один из основных элементов структуры Селевкидского государства стал образцом учета в политике монархии интересов основной массы ее греческих подданных.

THE REVOLT OF THE GREEKS IN BACTRIA AND SOGDIANA IN THE LIGHT OF IV CENTURY SOCIAL AND POLITICAL THEORY

by G. A. Koshelenko

According to Diodorus, the revolt in 323 B. C. of the Greeks settled by Alexander in Bactria and Sogdiana was motivated by their longing for «the Greek way of life». The author investigates this concept as it was reflected in the social and political thought or the IV century B. C. At that time Greek theoreticians, among them Aristotle, were working out, on the basis of a whole group of ideas of this order, practical plans for mastering the East. These plans reflected the mood of the Greek soldiers in Alexander's army, but came into conflict with Alexander's policy of city-building. The two programmes were irreconcilable: instead of planting self-governing polises under the ultimate rule of the king himself, Alexander set governors over his new foundations; instead of being organised as purely Greek citizen communities, the new cities were given a mixed population of Greeks, Macedonians and local elements. Among the Greeks discontent grew till it burst out in a revolt that shook the whole system of Macedonian rule in Asia. Learning from this lesson, the Seleucids revised the basic conception of how to maintain mastery in the East.